

Островский въ Художественномъ театръ.

Раннее утро.

Постановку комедіи Островскаго «На всякаго мудреца довольно простоты» нельзя назвать въ явную похвалу Художественнаго театра. Безъ преувеличенія очень строгія требованія, — а другія предъявлять къ Художественному театру нельзя: это даже поражение говорить, — надлежитъ играть Островскаго. Эту фразу мы скажемъ в радомъ усматриве въ устахъ актера. И оно поватно. «Надо уметь» не потому, чтобы играть его было трудно, а надо уметь потому, что каждая роль, каждая фигура, каждая сцена уже сдѣлана. У каждой страны своя исторія. Своей формуляръ. Своей послужной спискомъ. Съ такими именами, какъ Киселевскій, Одетовъ, Ермоловъ, Левашевъ, Садовскій, Бурдина и др. Съ такими соображеніями, такъ сказать, толкованіями, какъ Малый театр. Вообще естественно, что въ такихъ образахъ, «надо уметь играть», надо дать хоть частную тею, что давать въ частности каждый «на станъ славныхъ» и въ целомъ — Малый театр. Этого требованія в совалъ формулу «надо уметь» поддѣлать старую традицію, сохраняя старую главу исторіи.

Театръ «буффъ» сентименталь, Художественный театр, сцены реалі, видные, выно исторіи и рѣшала дѣла Островскаго по-своему. По-новому. Въ смущеніи противъ этого, конечно, ничего нельзя мѣнять. Можетъ быть, эти новые элементы лучше старому. Можетъ быть она дѣла больше явную руку Островскому. Истязается его съ новыми планами.

Но, — увы!

Нового ничего въ постановкѣ Островскаго Художественный театр не далъ, а повторилъ себя, т. е. старую тею, въ 1001 разъ. Четвертая сцена. Илья на драпировкахъ. И даже электрическій звонокъ въ кварталъ Мамалыгина, е закономъ во времена Островскаго и поминку еще не было. Можетъ быть, это воздушный звонокъ, но, если не

ошибаюсь, и оны появились позже.

Въ первомъ актѣ окна комнаты представляются на четвертой стѣнѣ, на рамѣ, а на задней, видной стѣнѣ, агриваетъ солнечные отраженія уличныхъ околъ. Видомъ тѣни и оконныхъ рамъ и замѣтискоя в столѣхъ на оод-конный потолокъ. Допустимъ, но едѣ при такомъ яркомъ солнечномъ освѣщеніи должны давать тѣни и въ фактурѣ на сценѣ. Объ этомъ театръ забылъ. Недостаточно только, чтобы кто-нибудь изъ исполнителей открывалъ и закрывалъ эти уместенныя окна и, протянувъ руку въ публику, дѣлалъ реплику: «дождь идетъ», или, взглянувъ на потолокъ театра, сказалъ бы: «тучамъ заволокло». Въ логической послѣдствительности Художественный театръ долженъ добивъ и де этого.

Насколько это опасный и эстетически ложный путь — вопросъ особый. Вопросъ большой. И если обо всемъ этомъ можно говорить равнодушно при постановкѣ современныхъ пьесъ, то при постановкѣ Островскаго не въ «уместенныя огна» оскорблять? И обижалъ зрителя, сосредоточенный на рассмотрѣніи китайскихъ чѣшекъ полагаетъ падаетъ поперѣкъ Островскаго. Мимо его.

Мимо Островскаго промелькнула гесь спектакль. Все состояло при «китайскихъ тѣняхъ». При четвертой стѣнѣ. Исканью только къ Станиславскаго, Москвина и Агеева. Станиславскій дѣлалъ изумительную во злѣхъ фигуру генерала Кургушка. До того хорошо, до того типично, до того хорошо, что хотѣлось-бы выхватить его изъ всего спектакля и поставить его на у четвертой стѣны, а стѣны — вѣстивадо Островскаго. Едѣ Москвина. Это тоже изъ Островскаго. Городушка какъ сест. Живой, незамѣлительный, выжидатъ И. Агеевъ. Малочислая ролька «дезонакъ Турсуновъ». Но какой большой, какой бытосной, какой славной сдѣлалъ ее тѣсть. Цѣлый укладъ. Положительно.

И какъ терпѣли радомъ съ ними всѣ остальные персонажи. Блѣдые. Картошки. Почти во всемъ низше старомъ Москви, Москви Островскаго. И въ первую голову центральная фигура Гаумовъ. Талантливый Казачковъ, ничего изъ нея не сдѣлалъ. Пичего. Пустое мѣсто. Магков, распылчатое. Моментами изъ Молчалива, моментами изъ Чацкого. А мѣжъ тѣмъ Гаумовъ очерченъ у автора рѣзко, ясно. Нельзя его дѣлать такимъ бархатнымъ, такимъ невыразительнымъ. Это не Гаумовъ и не Островскій. Въ эту крайность ввалъ Леонидовъ. Гоголю угодно оцъ подчеркнуть и охарактеризовать оцъ подчеркнуть и охарактеризовать шаржемъ. Подогривалъ Матуралъ Лужскій. Недурна, но больше вышннныя узоры, чѣмъ грубой пережаренія г-жа Германова — Клеопатра Леонова. И въ Маневѣ г-да Бутовой далъ больше филологич., тѣмъ психологич. Подчеркивалъ казачество. Темъ постановочна именованію тѣтучей. Безъ темерановата. А его-и изъ въ Островскаго!

Ставила и «волокъ просматривала» Островскаго гг. Непрочихъ-Даченко и Лужскій.

Э. БЕСКИНЪ.

Ичера въ Художественномъ театрѣ состоялось первое представленіе комедіи «На всякаго мудреца довольно простоты».

Была очень явременно проведена отношеніе публики къ старой пьесѣ, но сходящейся съ репертуаромъ современнаго и провинціальнаго театровъ.

И что жетъ Гаминю впечатлѣніе, какое произвѣде выности изъ театра, можно формулировать такъ:

— Вотъ, наконецъ, превращена современнаго ныща.

Да, ныща современнаго. Въ этомъ все дѣло. Дѣло ныща газетнаго интереса спектакля. Публика съ нынѣшнъ нынѣшнѣмъ слушала се. Искъ нынѣшнъ, яростъ нынѣшнъ, остроконечнаго дружнаго амплодисемента. Но время представленія въ зрительнаго нынѣшнѣмъ раздражала нынѣшнѣмъ нынѣшнѣмъ.

Мелочныя нынѣшнѣмъ отступало отъ того общаго нынѣшнѣмъ, нынѣшнѣмъ нынѣшнѣмъ да въ этой нынѣшнѣмъ нынѣшнѣмъ. Не-что въ отномъ нынѣшнѣмъ нынѣшнѣмъ. Не даже и это нынѣшнѣмъ нынѣшнѣмъ нынѣшнѣмъ.

У РАМПЫ.

..На всякого мудреца довольно простота.

Става пьесу Островского, ваять Художественный театр по обновлению "перемудрил".

И на этот раз, как всякая лучшая, оправдалась похвала:

..На всякого мудреца довольно простота."

Произошло это с "четвертой стеной" из первых актов.

Зрители видят на противоположной от низа ствнй отражения окружающих предметов, инвизибель, горюющих съ цветами. Слово воображению "четвертую ствнй", значит, слышавшо слышать и твнй ствнй себя отбрасывають."

Но тут получается твоя турность. От скоия, замаянскот и цвнчювнх горючек твнй отбрасываются..

А от людей, которые движатся передь окнами оной "четвертой ствнй",— ни твнй, ни слышуются.

Какъ из старинной сказки, гдѣ называется "человѣкъ безъ твнй".

Въ полонѣ свѣтъ отъ скоия "четвертой ствнй" слѣды вѣтъ ходять: Глумовъ, Глумова, Мамалѣя, Курочка, Мамея, Ислутвнй. А "человѣкъ Мамея" даже долго стоитъ у той ствнй, да вонюрой "отраженіе".

И что-же? Ничто изъ этой компаніи на ствнй не "отражается". Лучи солнца проходятъ червзъ внхъ, какъ червзъ пустое мѣсто.. Совершенно новый отеческій законъ..

"Бульва септанти", сами того не ожидая, подтвердили послѣдую:

..На всякого мудреца довольно простота."

На „Капустянкъ“ Художественнаго театра.

Большія ожиданія оправдались. Ничего подбнаго тому «капустянку», который Москва видѣла вчера въ Художественности театръ, у насъ еще не было.

«Художественники»—велике мастера и на малыхъ дѣлахъ!

И въ убранствѣ залы, и въ самой программѣ, совершенно неистощной,—овель много и акуса, и остроумія.

Point de resistance—актъ изъ «Елены Прекрасной», исполненіе которой было импакціей опереточнаго исполненія. Великолѣпныя Менделѣй—г. Качаловъ, Парист, г. Москвинъ, Елена г-жа Киншнчуръ. Оркестръ—дирекціонналь. Вл. Ш. Немиро-вичъ-Давыденко.

Много злободневныхъ вѣствовать. Шарадъ, которую должиа разрѣшить епарія и народы Греція, замѣнена новою злободневною.

Второе отдѣліе о—дъ рн и мнотъ. Здѣсь шумный успѣхъ, вслѣдн г-жа Плевцкая, исполненія между прочимъ пѣсенку о пастушкѣ г. Сада, импакція пѣвощихъ пѣвощетокъ гт. Москвинымъ, Киншнчуръ, Грнбуиннымъ, Луцкимъ, сойра вполнѣтнй г-жамъ Кооненъ, Коренювъ и т. д. Большой «номеръ»—выстрѣль изъ пушки, зарпженной г. Судьержацкимъ, сопровождаемой пѣтой колдеской оцвной. Въ качествѣ «бомбардн-

ровъ»—гг. Качаловъ, Киншнчуръ и др. Номеръ—и смѣшной, и эффектный.

Цѣлая овація, и очень шумная, устроена М. Г. Саввиной, которой пролѣта всѣмъ театромъ «слава».

Но зрительной загѣ ходитъ въ костюмѣ и гримѣ итальянскн г-жа Германова и торгуетъ апельсинами. Торъ дастъ крупную сумму.

Одѣтые въ красные фраки, артисты продають шампанское. И торъ идетъ отлично.

Въ разныхъ мѣстахъ торгуютъ цвѣтами, марушками. Въ двухъ углахъ главнаго фойе устроены «баръ» и «блинная». И вѣдѣт—битокъ набито.

Эти торговли, вѣдѣтъ съ продажью билетовъ, дадутъ въ пѣвощнй фондъ Художественнаго театра до 20.000 руб.

Въ публикѣ—вѣя богатая и винная Москва. За почетнымъ столомъ М. Г. Саввина и во сторонамъ отъ нея московскій губернаторъ, г-нъ В. Ф. Джунковскій, и московскій градоначальникъ, ген. А. А. Адриановъ.

Во время дивертисмента въ залу ворвались «бандиты», разыграли сцену похищенія одного изъ публики г. Прозорова, и отпустили за выкупъ.

Успѣхъ «Капустянка» исключительный.